

идеология, соприкасаясь в символической сфере политики, могут принимать как позитивные, так и негативные формы, причем их влияние друг на друга взаимопроникаемо и взаимообусловлено.

Подводя итог, следует отметить возрождающийся интерес в российской политической теории и практике к тематике политической активности, к изучению новых, нетрадиционных форм активности (например, форм активности в пространстве Интернет), изучению механизмов измерения этих форм. Связано ли это с процессами развития гражданского общества или же это преимущественно последствия властного заказа, а может быть есть иные объяснения – вопрос остается открытым.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Общая психология. Словари/Под ред. А.В. Петровского// Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах/Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского. — М.: ПЕР СЭ, 2005. — 251 с
2. Психология развития. Словари/Под ред. А.Л. Венгера// Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах/Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского. М.: ПЕР СЭ, 2006. — 176 с.
3. Рудич Ф. Политика как объект системного исследования. — Философская и социологическая мысль, 1990, № 1. — С. 25
4. Соловьев А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. 2001. №2
5. Цит. по К.И. Морозов. Политическая деятельность как социальное явление и ее функции//Социальная активность, Челябинский пединститут, 1981, 172 с.

Белоусов А.И., г. Екатеринбург

ОБ ИММАНЕНТНОЙ СВЯЗИ СЕКСУАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО

Сексуальное и политическое слишком схожи в своих устремлениях и настолько непохожи по своим проявлениям. Их соотноснение есть результат когнитивной деформации в условиях усложнения интеллектуальной деятельности в постклассическом периоде философии. Хотя, нет сомнений, к данной теме обратились ещё в период глубокой архаики, причём как на Востоке, так и на Западе. Более того, на языковом и символическом уровнях эти две сферы нашей жизни имеют потрясающее единство: вся политическая лексика насквозь проникнута дискурсами сексуальности, если, конечно, придерживаться фрейдистского подхода.

Сексуальное возникает как проявление нерационального, нерефлексируемого, оно есть воображаемое и одновременно самое желаемое. Сексуальность – это свойство субъекта приобретаемое, причём в воображении. Можно даже утверждать, что там, где возникает сексуальное, исчезает различие между объектом и субъектом. Сексуальное – это временная характеристика, проявляющаяся в импульсах активности, которые могут результативовать соитием страждущих либо же сублимацией в социальное пространство неудовлетворённых.

Не акцентируя внимание в настоящее время на различиях в политике большой и малой, будем говорить о *политическом* вообще. Политическое возникает как результат рационального понимания необходимости мыслить стратегически, не просто созерцать возможное будущее, но создавать его собственными руками здесь и сейчас.

Сексуальное и политическое сходны в своих помыслах о возможном будущем: в одном случае, оно сладостно и есть высшая точка блаженства от обладания желаемым, а в другом случае, оно превращается в благо, которому придаётся атрибут всеобщности. Причём в обоих случаях главным механизмом выступает *воображе-*

ние субъекта. Именно оно делает из него перфекциониста, постоянно неудовлетворённого достигнутым и считающего возможным двигаться дальше вопреки сопротивлению.

Возможно, подобная трансцендентальная схожесть сексуального и политического приводит к их одновременному противопоставлению и соединению. Ведь в истории столько примеров того, как стремящиеся к тоталитарному овладению обществом власти пытались искоренить любые проявления сексуальности (известное позднесоветское «у нас секса нет»). Диалектика сексуального и политического сопровождается постоянными трансформациями, отражающимися на характере развития общества. Бессмысленно в 21 веке рассуждать в категориях фрейдизма (впрочем как и франкфуртской школы), однако очевидно, что либидо в политике и властное начало в сексе – это звенья единосистемного проявления человеческой сущности в социальном контексте. Но тем более становится очевидным, что подобное, в большинстве случаев не осознаваемое сходство этих двух проявлений нашей активности, порождает серьёзную проблему: в условиях кажущейся вседозволенности и постоянно мифологизируемой в общественном сознании транспарентности, сопровождаемой исчезновением приватного и приватизированием общественного, сексуальность и политика становятся сферой действия *комплексующих* элементов (в старом, не удовлетворяющем наше современное дискурсивное пространства, социологическом языке – маргиналы).

Интимность политического, реализуемая через кулуарность и закрытость от внешнего наблюдателя, порождает особый сексуальный тип политика, который готов манипулировать объектами своей страсти (Обама в период выборов), направлять своё либидо в деструктивность (развязывание войны Клинтоном против Югославии), не стесняться быть публично опозоренным (жевание галстука Саакашвили) и т.д. Однако ещё одним современным вариантом извращения в политике становится *транссексуальность*, распространившаяся во многом под воздействием феминистической логики. США дают более всего примеров мимикрии, когда женское начало подавляется ей носителем ради необходимости действовать по-мужски. В свою очередь ряд политиков предпочитают явно феминные проявления для «сблазнения» электората и себе подобных.

Паньшин А.М., г. Екатеринбург

БОЛЬШАЯ ПОЛИТИКА В КАТЕГОРИЯХ СЕКСУАЛЬНОГО

На первый взгляд, темы власти и темы сексуальности практически не пересекаются. Единственное, что можно сказать точно – и власть, и сексуальность всегда вызывали неподдельный интерес у людей во все времена, поэтому были табуированными и даже сакральными. Тем не менее, практически в каждом тексте на политологическую тематику встречается дискурс сексуальности.

Мишель Фуко, например, проводил четкие параллели между отношениями власти и сексуальности и пришел к очень интересным выводам. Во-первых, власть осуществляется через воздействие на сексуальную сторону жизни людей, через ее контроль и ограничение. Во-вторых, власть и сексуальность имеют одинаковые механизмы функционирования и даже одинаковые свойства. Они притягивают людей, их дискурс заразителен и проявляется друг в друге.

Эрос и танатос были главными двигателями человеческой активности. Доктор Фрейд, обнаруживший эту интересную закономерность и описавший их в проявле-